

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

(СТАТЬЯ С КОММЕНТАРИЯМИ
К П. 27 СТ. 2 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ» ОТ 29.12.2012 № 273-ФЗ)

А. КАЦ

В те времена, когда ещё термин «инклюзивное образование» не существовал, на одном из семинаров по повышению квалификации работников образования разгорелась жаркая дискуссия о том, следует ли в обычной муниципальной школе обучать совместно детей-инвалидов и детей, которые считаются здоровыми. Аудитория разделилась практически поровну. Одни доказывали, что включение детей-инвалидов в учебную деятельность и жизнь обычного класса помогает детям-инвалидам легче переносить недуг, социализироваться, ощущать себя полноценным членом общества, а у детей, у которых нет серьёзных проблем со здоровьем, вырабатывается чувство сострадания, желание помочь слабым, восприятие инвалидов как равных себе членов общества. Другие, в целом не возражая первым, указывали, что в случаях включения в образовательный процесс детей-инвалидов, отличающихся агрессивным поведением, что, к сожалению, нередко встречается, все плюсы совместного обучения превращаются в минусы. Но самое главное, отмечалось, что в таких классах, где будут обучаться дети-инвалиды, есть большая вероятность падения качества образования, прежде всего обучения. Причём речь шла не о том, что дети-инвалиды снизят средние показатели успешности обучения (тогда средние показатели успешности обучения не ставились во главу угла при оценке качества работы учителя, школы), а о том, что дети-инвалиды требуют к себе, как правило, повышенного внимания, отвлекая тем самым педагогический состав от более усердной работы с более успешными обучающимися.

Надо сказать, что доводы в этом споре не были чисто теоретическими. Некоторые слушатели, работая в обычных муниципальных школах, имели опыт совместного обучения детей-инвалидов и здоровых детей. А двое слушателей, являясь завучами таких школ, одновременно видели ситуацию и с другой стороны, являясь при этом близкими родственниками детей-инвалидов.

В данной дискуссии ни одной стороне не удалось убедить другую в своей правоте. Но, несмотря на то, что согласие по этому вопросу не было достигнуто, удалось сделать важные выводы, с которыми согласились все.

Включение детей-инвалидов в общий образовательный процесс вместе со здоровыми детьми а) даёт положительный эффект в основном только в воспитательной части образования, но и этот эффект достигается не всегда; б) отрицательно сказывается на качестве обучения, за исключением случаев, когда физические недостатки детей-инвалидов не являются существенным препятствием для успешного освоения образовательной программы.

53

Технологии
и инструментарий
[91 – 108]

И обобщающий вывод. В очень многих случаях невозможно одновременно соблюсти равные права детей-инвалидов на совместное обучение и права детей, не имеющих серьёзных проблем со здоровьем, на получение образования в соответствии со своими способностями.

После того семинара прошло почти 20 лет, а однозначного решения вопроса совместного обучения детей-инвалидов и здоровых детей до сих пор не существует.

В Законе РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 года № 3266-1 термин «инклюзивное образование» не использовался. В практике организации образовательной деятельности под «инклюзивным образованием» понималось совместное обучение в одном образовательном учреждении лиц, с ограниченными возможностями здоровья и лиц, у которых нет особых проблем со здоровьем.

Новый Закон, хотя и определяет понятие этого термина, тоже не использует его, по крайней мере, для установления каких-либо законодательных норм, посвящённых этому самому инклюзивному образованию.

«Инклюзивное образование — обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учётом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» (ст. 2 п. 27).

Определение понятия «инклюзивное образование», данное в п. 27 ст. 2 Закона, сформулировано настолько «политкорректно», настолько в общем виде, настолько в нём завуалирован смысл, что сразу и не понять, о чём и ком идёт в нём речь.

Прежде всего, бросается в глаза, что инклюзивное образование — это вовсе не образование, а «обеспечение равного доступа...», то есть это совокупность каких-то организационных мероприятий (юридических и по привлечению разнообразных ресурсов), которые обеспечивают равный доступ «всех обучающихся с учётом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей». Но ведь образование, будь оно инклюзивное или нет, оно всё равно образование. А в соответствии с определением понятия «образование», данным в п. 1 ст. 2, это никакое не обеспечение доступа (равное или неравное) к образованию, а «...целенаправленный процесс воспитания и обучения...», в нашем случае — инклюзивный целенаправленный процесс воспитания и обучения.

Равный доступ граждан к образованию — это конституционная норма, которая на практике реализуется (хорошо ли, плохо ли — второй вопрос) для всех без исключения обучающихся и без того, что написано в определении. Было бы совсем непонятно, зачем нужно вводить новое понятие «инклюзивное образование», если не перенести внимание на фразу «...с учётом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей». Но если учитывать эти разнообразные потребности, да ещё и особые при этом, то какое же тут равенство к доступу образования? Одним нужно одно, другим — другое... Доступ к образованию без дискриминации, если не считать недоразумений и отдельных безобразных случаев (замалчивать это нельзя, но не о них сейчас речь), открыт для всех граждан — все, кто должен, желает и может получать, школьное образование, получают его. Значит, в определении говорится о чём-то другом. О чём? На этот вопрос ни определение, ни дальнейший текст Закона чёткого ответа не даёт.

Но когда начинаешь разбираться в проблеме организации инклюзивного образования вне рамок Закона, то оказывается, что всё-таки речь идёт (должна идти) не об обеспечении «равного доступа всех обучающихся к образованию с учётом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей», а в основном о доступе обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к совместному обучению со здоровыми детьми в массовой школе.

Почему об этом прямо не говорится в Законе?! Зачем одно понятие подменяется другим? На эти вопросы вряд ли кто-то из компетентных лиц сможет или захочет ответить.

Не исключено, что в Законе сделана попытка расширить обычное понимание инклюзивного образования, распространённое в научной и околонуучной литературе по этой теме. Из определения, данного в Законе, можно понять, что обеспечение «равного доступа к образованию» может относиться ещё и к обучающимся с пограничным состоянием здоровья — тех, кто имеет недостатки в физическом и (или) психическом состоянии здоровья, но официально не признаны инвалидами, к обучающимся с девиантным или близким к нему поведением и даже к детям, имеющим таланты и выдающиеся способности. Все эти категории обучающихся явно имеют «особые образовательные потребности и индивидуальные возможности».

Но всё же следует чётко себе представлять, что инклюзивное образование подходит не для всех обучающихся указанных категорий. Инклюзивное образование целесообразно и возможно далеко не для всех обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Не подходит оно и для обучающихся с социально-опасным поведением, а также для обучающихся, имеющих различные таланты и выдающиеся способности, да и способности к обучению, превышающие средний уровень. Для абсолютного большинства обучающихся указанных категорий равный доступ к совместному обучению со всеми другими обучающимися есть не что иное, как нарушение их прав на получение образования, соответствующего их образовательным потребностям и индивидуальным возможностям, которое они могут получить в специальных и специализированных образовательных учреждениях, то есть в системе эксклюзивного образования.

Следует обратить внимание, что понятие «инклюзивное образование» отнесено в разряд основных понятий, используемых Законом. Но оно, помимо определения, встречается в тексте Закона всего лишь однажды в пункте 1 части 5 статьи 5: «...создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определённого уровня и определённой направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья». Здесь используется словосочетание «инклюзивное образование» для уточнения предыдущей фразы, причём в данном положении нового Закона термин «инклюзивное образование» относится только к лицам с ограниченными возможностями здоровья.

В указанной норме Закона говорится о том, что инклюзивное образование только в том числе является формой, обеспечивающей получение без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья. Значит, оно предназначено не для всех, а только для отдельных категорий детей, имеющих ограниченные возможности здоровья. Правовая норма, данная в пункте 1 части 5 статьи 5, при условии, если будет правильно трактоваться чиновниками, ответственными за её реализацию, должна несколько успокоить педагогическую и родительскую общественность, взбудораженную и встревоженную иногда бездумным навязыванием инклюзивного образования муниципальными и государственными общеобразовательными и дошкольными организациями. Речь идёт о том, что нередки случаи, когда при этом в одном классе пытаются обучать детей с непредсказуемым поведением, и даже с другими более серьёзными нарушениями психики, что представляет собой опасность и для них самих, и для всех остальных детей.

Закон, а точнее, понятие, сформулированное в Законе, не препятствует этому. Нет в Законе и ни одной другой правовой нормы, которая бы регулировала деятельность, связанную с осуществлением инклюзивного образования. Создаётся впечатление, что понятие «инклюзивное образование» включено в Закон только для того, чтобы выдвинуть политический лозунг о необходимости соблюдении прав меньшинства (в нашем случае дети с ОВЗ составляют это самое меньшинство), продекларировать необходимость введения в российское образование инклюзивного образования.

Но законы существуют не для лозунгов и деклараций. В частности, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» существует для регулирования общественных отношений, возникающих в сфере образования в связи с реализацией права на образование, обеспечением государственных гарантий прав и свобод человека в сфере образования и созданием условий для реализации права на образование (см. ч. 1 ст. 1).

Хотелось бы, чтобы понятие инклюзивного образования, включённое в Закон, дало бы точный и чёткий ответ, что собой представляет инклюзивное образование. Нужны в Законе также конкретные нормы, определяющие, какие дети, с какими заболеваниями могут быть включены в процесс совместного обучения, каких детей с ограниченными возможностями здоровья ни под каким предлогом нельзя обучать совместно со здоровыми, какие бюджеты должны выделять финансовые средства на инклюзивное образование и в каком количестве, как и в каком порядке и на какие средства следует подготовить (переподготовить) педагогов к работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья. И ещё много-много других вопросов, без законодательного решения которых невозможно осуществление действительно инклюзивного образования.

Уже сейчас внедрение инклюзивного образования в практику, опирающееся только на аморфное определение, данное в Законе, нередко приводит к дискредитации идеи совместного обучения. Так, нередки случаи, когда в одном классе пытаются обучать, например, детей с серьёзными нарушениями психики и здоровых детей. Такие эксперименты и подобные, когда обучающимся в ходе образовательного процесса требуется не только специальное педагогическое, но и медицинское сопровождение, которое «обычная» школа предоставить не может, не дают положительного эффекта и часто заканчиваются плохо.

Подобное внедрение инклюзивного образования в практику и, как следствие, неприятие этого образования большей частью педагогической и родительской общественности во многом связано с тем, что в международных документах и в нашем законодательстве используются неоднозначные термины и понятия. При этой неоднозначности терминов и понятий им даются определения (как и в рассматриваемом Законе), которые полны словоблудия и трактуются всеми, как им заблагорассудится.

Очень многие инициаторы внедрения инклюзивного образования, судя по всему, под понятиями «дети-инвалиды», «дети с ограниченными возможностями здоровья» имеют в виду не всю их массу, только отдельную часть, определённую категорию таких детей. Не случайно, что когда речь заходит о создании условий для осуществления инклюзивного образования, в абсолютном большинстве случаев речь идёт о пандусах, подъёмниках, специальных приспособлений в туалетных комнатах. Это косвенно говорит о том, что не все дети с ограниченными возможностями здоровья могут быть включены в систему инклюзивного образования. В большей своей части речь идёт о детях, имеющих недостатки в функциях опорно-двигательного аппарата.

Но в Законе-то используются обобщающие понятия – обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья», «особые образовательные потребности», которые подразумевают введение инклюзивного образования для всех детей, имеющих ограниченные возможности здоровья. А в определении понятия «инклюзивное образование» прямо говорится, что оно «для всех обучающихся с учётом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей».

Как же следует относиться к идее обучения в массовой школе обучающихся с ограниченными возможностями здоровья совместно с обучающимися, не имеющими таких ограничений?

Здесь следует исходить из того, что в определённых случаях нет и не должно быть никаких правовых, моральных и других каких-либо серьёзных оснований для отказа от такой практики. Но сама такая практика возможна, целесообразна и необходима только тех случаев, когда обучающийся с ограниченными возможностями здоровья способен осваивать наряду с другими обучающимися предлагаемые образовательные программы в пределах федеральных государственных образовательных стандартов. Но это, хотя и главное, не единственное условие, обуславливающее целесообразность и эффективность.

■ Каждый обучающийся (поступающий на обучение), имеющий ограниченные возможности здоровья, при включении его в систему совместного обучения должен иметь специальное медицинское заключение и заключение медико-психолого-педагогической комиссии, о том, что его физическое и психическое состояние, а также умственные способности (да простится здесь неполиткорректное выражение) позволяют осваивать не адаптивную, а обычную образовательную программу, предлагаемую образовательной организацией.

■ Особая роль должна отводиться медико-психолого-педагогической комиссии. При этом должна быть обеспечена их реальная независимость этих комиссий от различных органов управления, повышена их ответственность, вплоть до персональной ответственности каждого члена комиссии за выдаваемые ими заключения.

■ Обеспечение доступа обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к участию в совместном образовательном процессе с обучающимися, не имеющими таких ограничений, не должно сводиться к созданию условий для свободного передвижения по зданиям и помещениям образовательной организации (пандусы, подъемники, расширенные дверные проёмы и т. п.). А чаще всего только на это обращают внимание организаторы инклюзивного образования. Кроме указанных условий, должны быть обеспечены ещё и условия, обеспечивающие возможность полноценного участия в образовательном процессе, условия для осуществления всех необходимых учебных действий, предусмотренных образовательной программой. Имеется в виду, прежде всего, и мебель, и технические и иные средства обучения, приспособленные под нужды обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

■ Включение обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в совместный образовательный процесс должно быть как можно полным. При осуществлении учебных действий для них должно делаться минимум исключений, но при этом должно быть создано максимум условий, обеспечивающих возможность выполнения практически всех учебных действий, которые в ходе обучения осуществляют обучающиеся, не имеющие ограничений в здоровье.

■ При осуществлении инклюзивного образования не следует уповать на то, что Закон разрешает осуществлять обучение по индивидуальным учебным планам. Классно-урочная система, реализуемая массовой школой, используемые при этой системе методики и технологии обучения мало приспособлены для обучения по индивидуальным учебным планам. Конечно, можно специально для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья разработать и реализовать эти технологии и методики, что даст возможность обучать их по индивидуальным учебным планам. Но это выделит их в исключительную группу, сделает их «не как все». При этом потеряется один из основных смыслов инклюзивного образования. Тогда не следует городить огород с этим самым инклюзивным образованием, а продолжать осуществлять обучение детей с ограниченными возможностями здоровья в специализированных образовательных организациях, ресурсное и методическое обеспечение которых позволяет учитывать индивидуальные образовательные потребности и возможности обучающихся.

■ Приходится слышать, что содержание специальных образовательных организаций для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья обходится государству очень дорого, поэтому необходимо ввести инклюзивное образование с целью экономии бюджетных средств. Такие мысли посещают умы и сердца (если их органы, которые посещают такие мысли, можно так называть) некоторых организаторов образования и ничего общего с гуманитарной идеей инклюзивного образования не имеют.

Экономия при внедрении инклюзивного образования возможна только в случае, если понастроить в зданиях школ пандусы, считая именно это созданием условий, обеспечивающих равный доступ к образованию, и, в конечном счёте, назвать всё это инклюзивным образованием. При реализации в полном объёме комплекса мероприятий, связанных с внедрением инклюзивного образования и его осуществлением в массовой школе, затраты на одного обучающегося будут сопоставимы с затратами на этого же обучающегося в специальной образовательной организации.

■ Педагогический персонал должен быть подготовлен к работе с обучающимися, имеющими ограниченные возможности здоровья. Это не означает, что они должны иметь ещё одну специальность — педагога-дефектолога. Да это и невозможно. Но знать особенности психики и психологии детей, имеющих физические и психические недостатки, уметь применять эти знания при работе с такими детьми — это требования, выдвигаемые к современному педагогу.

■ Следует помнить, право обучающихся с ограниченными возможностями здоровья на совместное обучение с теми, кто не имеет таких ограничений, — это право, а не обязанность. Родители таких детей должны иметь право выбора образовательной организации: массовой школы или специальной. Мало того, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, получающие образование в массовой школе (их родителей), всегда должны иметь право и возможность перейти в специальную школу, если у них в массовой школе что-то не сложилось с обучением, взаимоотношениями или просто не понравилось или излишне трудно стало там учиться.

Права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого, — это важнейшее правило демократии следует обязательно применять при организации инклюзивного образования, если действительно преследовать цели получения того эффекта, ради которого это образование внедряется в практику.

